

Российский судебный дискурс
в свете современной теории аргументации *

Ю. В. Шатин^{1,2}, И. В. Силантьев¹

¹ ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СО РАН

² НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация. Рассматриваются основные приемы аргументации в судебном дискурсе двух крупных российских юристов второй половины XIX в. – А. Ф. Кони и Ф. Н. Плевако на предмет соответствия аргументативной схеме, разработанной Кембриджской школой (Д. Уолтон и др.). Авторы полагают, что, не имея сколько-нибудь надежной теоретической опоры в связи с упадком традиционной риторики, лучшие правоведы интуитивно обнаружили и очертили контуры, позже положенные в основание неориторике Х. Перельмана. Речь прежде всего шла о квазилогических аргументах и об аргументах, с помощью которых либо конструируется реальность, либо утверждается субъективная позиция лица вовлеченного в риторический процесс.

Ключевые слова: судебный дискурс, неориторика, квазилогические аргументы, аргументативные схемы.

УДК 80/81

DOI 10.25205/2307-1737-2020-2-401-412

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-01376 (18-00-00760).

Шатин Ю. В., Силантьев И. В. Российский судебный дискурс в свете современной теории аргументации // Критика и семиотика. 2020. № 2. С. 401–412.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2020. № 2

© Ю. В. Шатин, И. В. Силантьев, 2020

Контактная информация:

Шатин Юрий Васильевич, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия, shatin08@rambler.ru)

Силантьев Игорь Витальевич, доктор филологических наук, директор Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия, silantev@philology.nsc.ru)

История вопроса

Судебный дискурс относится не только к древнейшим родам речей, но и имеет многовековую традицию исследования. Уже в «Риторике» Аристотеля (IV в. до н. э.) судебная речь не только выделяется в качестве отдельного рода, но и получает специфические характеристики. Во-первых, вместе с совещательной и эпидейктической речами он относится к области технических способов убеждения, которые заключаются «в действительном или кажущемся доказывании» [Аристотель, 1978, с. 19]. Во-вторых, он в большей мере, чем два других, опирается на энтимему, а не на гиперболу или на пример. «Энтимемы, напротив, наиболее пригодны для речей судебных, потому что прошедшее, вследствие своей неясности, особенно требует указания причины и доказательства» [Там же, с. 47]. В-третьих, требования закона и понятие справедливости часто противоречат друг другу и поэтому выступают как конраверсы. «Правда заключается в том, чтобы прощать человеческие слабости, в том ещё, чтобы иметь в виду не закон, а законодателя, не букву закона, а мысль законодателя, не самый поступок, а намерение человека, его совершившего, не часть, а целое, в том, чтобы обращать внимание не на то, каким высказал себя человек в данном случае, но каков он был всегда или по большей части» [Там же, с. 62].

Двойственный характер судопроизводства, учитывающий не только деяние, но и мотивы, его породившие, а также свойства личности обвиняемого, как раз и обуславливает два подхода к судебному дискурсу как к логическому конструкту, подразумевающему дедуктивное доказательство, и как к риторическому произведению, ориентированному не на доказательство, но на убеждение. На протяжении тысячелетий, отделяющих нас от Аристотеля, судебный дискурс находился в ситуации разрыва между логикой и риторикой, между рационализацией и суггестией. Вместе с тем подобный теоретический разрыв мало сказался на судебной практике, которая каждый раз интуитивно устанавливала баланс противоположностей, выискивая те или иные аргументы в пользу такого баланса, связанного с обвинением или защитой того или иного лица.

Между тем во второй половине XX в. произошли события, оказавшие влияние на теоретический статус судебного дискурса и способы его научной интерпретации. Эти события были инициированы выходом монографии Х. Перельмана и Л. Ольбрехт-Тытеки «Неориторика. Трактат об аргументации» (1958), в которой, по мнению современного исследователя, «в отличие от формальной демонстрации, где аргумент состоит из цепочки идей, которые получены одни из других согласно правилам вывода, неформальный аргумент представляет собой скорее сеть различных аргументов и доводов, которые объединяются в единое целое для достижения желаемого результата, нужного эффекта. Собственно процесс аргументации заключается в установлении связи между элементами дискурса с использованием ассоциации или диссоциации различных идей» [Косарев, 2019, с. 183].

Теоретические положения «Неориторики» Х. Перельмана открыли путь к новым исследованиям в области аргументации для различных типов дискурса. Пик таких исследований в Европе и США пришелся на 1970–1980-е гг. Несмотря на интересные наблюдения и новаторские постулаты¹, изучение аргументации в области права столкнулось с определенными трудностями. Первая из них заключается в самом статусе риторического судебного дискурса, который, с одной стороны, имеет много общего с научно-популярным дискурсом, прежде всего при использовании средств повседневного языка, апелляции к общечеловеческим ценностям и т. п., а с другой стороны, опирается на некоторые нормы закона, которые полагаются истинными априори.

Вторая сложность оказалась связанной с различными практиками судопроизводства, которые не всегда могут быть приведены к «общему знаменателю», в том числе и в сфере аргументации. На подобную трудность обратил внимание еще Аристотель, когда разграничил все законы на общие и частные. «Частным я называю тот закон, который установлен каждым народом для себя. <...> Общим я называю закон естественный. Есть нечто справедливое и несправедливое по природе, общее для всех, признаваемое таковым всеми народами. Если даже между ними нет никакой связи и никакого соглашения относительно этого» [Аристотель, 1978, с. 59].

При всех указанных сложностях идеи Х. Перельмана открыли новое поле исследования. При этом важно было понять, насколько юридическая практика прошлого соответствовала или противоречила основным концептам неориторики.

---

¹ См. подробный анализ исследований в данной области: [Фетерис, 2006].

Неориторическая теория и судебная практика

Позиционируя основные цели своей теории, авторы «Неориторики» заявили, что они хотят «скорректировать такую теорию, которая анализировала бы методы доказательства, используемые в гуманитарных науках, правоведении и философии» [Perelman, Olbrecht-Tyteka, 1971, p. 10]². Важнейшим способом достичь указанной цели становится изучение специфической неориторической аргументации, основанной на применении квазилогических аргументов. По мнению авторов, квазилогические аргументы «претендуют на определённую силу убеждения в той мере, в какой они похожи на формальные рассуждения логики или математики. Однако если подвергнуть эти аргументы анализу, то сразу обнаружится разница между ними и формальными демонстрациями, поскольку лишь попытка редуцировать специфику их неформального характера позволяет таким аргументам казаться демонстративными. Вот почему мы называем их квазилогическими» [Ibid., p. 193].

Являясь одним из видов риторических аргументов, квазилогические аргументы отличаются от двух других видов: а) аргументов, которые базируются на структуре реальности и таким образом исходят из предположения идентичных ментальностей оратора и аудитории, основанных на одной и той же вере, и б) аргументов, воссоздающих структуру реальности путем апелляции к частному случаю, выступающему как пример, образец или иллюстрация того или иного положения.

Вместе с тем авторы неориторической теории допускали возможность отнесения того или иного аргумента к различным типам, базирующимся на разных схемах. «Так высказывание Квинтилиана – “если мир создан Провидением, значит, государство нуждается в правительстве” – может рассматриваться как квазилогическое или же базироваться на связях сосуществования (relation of coexistence)» [Ibid., p. 192].

Типология, предложенная авторами «Неориторики», открыла дорогу к новому этапу развития теории аргументации, которая привела к созданию новых аргументативных схем, описанных в монографии Д. Уолтона и др. «Аргументативные схемы» [Walton et al., 2008]. В предисловии авторы указали на то, что выделенные ими схемы могут использоваться как в повседневном, так и в специальных контекстах, вроде юридического или научного. По мнению авторов, эти схемы «включают дедуктивные и индуктивные формы аргументации. Однако они также представляют формы аргументации, не относящиеся ни к дедукции, ни к индукции, но попадающие в третью категорию, называемую спорной (defeasible), предположительной или абдуктивной. Такие аргументы не могут быть достаточно сильными, чтобы представить доказательства, подтверждающие рацио-

² Здесь и далее перевод наш. – Ю. Ш., И. С.

нальное принятие вывода, учитывая, что такие посылки вполне приемлемы» [Walton et al., 2008, p. 1].

Авторы предложили набор схем аргументации, распределив их по трем группам:

а) аргументы, основанные на представлении о структуре реальности и являющие собой логическое или квазилогическое обоснование тезиса;

б) аргументы, демонстрирующие способы установления реальности и допускающие несоответствие формально-логическим законам объяснения;

в) аргументы, представляющие собой ссылку на субъект точки зрения.

Легко уловить связь данной типологии с тремя картинами познания, представленными в критической трилогии И. Канта. Аргументы первой группы апеллируют к знанию («чистому разуму»), вторая группа представляет аргументы, используемые в убеждении и основанные на общей вере оратора и аудитории («практический разум»). Третья группа аргументов демонстрирует субъективные мнения оратора, адресованные аудитории («способность суждения»).

Возвращаясь к содержанию судебных речей, можно сказать, что в них в той или иной пропорции представлены аргументы трех групп, причем «аргумент по аналогии в типичных судебных речах комбинируются с другими аргументами – вроде аргумента по прецеденту и аргумента, основанного на вербальных средствах (verbal classification). Он также сочетается с другими типами аргументов, такими как аргумент от экспертов или обращение к свидетельским показаниям» [Ibid., p. 83].

Может показаться, что решающим критерием в пользу выбора аргументов той или иной группы является разделение судебных речей на обвинительные и защитительные. Однако реальный материал, представленный на основе выборки судебных речей крупнейших российских юристов, обнаруживает более сложную картину. Если сопоставить обвинительные речи А. Ф. Кони и защитительные речи Ф. Н. Плевако, можно увидеть, что и тот и другой, невзирая на противоположность задач в судебном процессе, активно комбинировали наряду с риторическими тропами и фигурами различные типы аргументации.

Мы остановили свой выбор на речах юристов второй половины XIX в. Неслучайность этого выбора обусловлена тем, что как раз в этот период судебная реформа Александра II и последовавшие за ней юридические акты открыли простор для состязательности сторон, особенно с учетом роли присяжных заседателей и их широких полномочий. К концу века суд присяжных во многом стал носить формальный характер (вспомним сцену суда в романе Л. Толстого «Воскресение»), на фоне которого роль аргументации в судебных речах начала постепенно сжиматься. После 1917 г. суды присяжных были отменены, а удельный вес государственных обвинителей становился все более значимым в сравнении с защитниками. При

этом сам принцип состязательности был принесен в жертву обвинительному уклону.

1870–1880-е гг. по праву могут считаться золотым веком судебных речей, диалектически сочетавших разные виды аргументации с традиционными средствами риторики и всегда ориентированных на принцип *audiatur et alter pars* (следует выслушать и другую сторону). Так, в 17 обвинительных речах А. Ф. Кони широко представлены аргументы, являющие собой квазилогическое обоснование тезиса. Например, в речи об утоплении Емельяновым своей жены Лукерьи используется аргумент *от характера к действию*. «Для того, чтобы определить, по какому направлению должна была идти страсть, овладевшая Емельяновым, достаточно взглянуть в характер действующих лиц... (Характер Емельянова. – Ю. Ш., И. С.) – это характер сосредоточенный, сильный и твёрдый, но развивающийся в дурной обстановке, которая ему никаких сдерживающих начал дать не могла» [Кони, 1888, с. 11]. Аргумент от характера к действию во многом определяет строй обвинительных речей Кони, основанных на психологической реконструкции образа обвиняемого и тем самым обуславливающих прогностическую модель действий обвиняемого. В отличие от классической дедукции или индукции судебный дискурс А. Ф. Кони во многом предвосхитил будущие черты абдуктивных суждений, техника которых была разработана одним из основоположников семиотики Ч. Пирсом.

В этом контексте следует обратить внимание на роль аргумента *лучшего объяснения*. Касаясь фабулы, связанной с избиением обвиняемым Дорошенко извозчика Северина, который умер спустя 12 дней, Кони замечает: «...какое из предположений вполне согласуется с истиною – сказать трудно, да и невозможно, да и не нужно; но для определения, по мере сил человеческого разумения, какое из предположений ближе всего подходит к истине, есть могучее и верное средство» [Там же, с. 408].

Квазилогические аргументы, используемые в судебном дискурсе, не могут привести к абсолютной истине даже при самой совершенной системе судопроизводства, но они способны создать наиболее вероятную картину преступления в большей мере, нежели средства традиционной классической риторики. И здесь важную роль может сыграть аргументация, основанная на движении *от части к целому* и обеспечивающая системность дискурса. «Каждая болезнь может, конечно, иметь признаки, присущие и другим болезням, но важно то, что в ней, в этой болезни, содержится целая совокупность признаков, ей одной свойственная» [Там же, с. 430]. Системность диспозиции, регулирующая сведение аргументов в единое целое, так же как сама аргументативная схема от части к целому, – важнейший показатель обвинительных речей Кони.

Наконец, очень важной чертой коневского дискурса является использование аргумента, определяемого Д. Уолтоном и соавторами как *аргумент от прецедента*. В той же речи, связанной с избиением извозчика Севери-

на, А. Ф. Кони ссылается на прецедент уже вынесенного судебного решения по делу княгини Трубецкой, обвиненной в нанесении побоев старику, от которых тот скончался три дня спустя [Кони, 1888, с. 418].

Наряду с аргументами первого типа, основанными на представлении о структуре реальности, Кони охотно использует аргументы, конструирующие реальность и допускающие несоответствие формально-логическим объяснениям, но, тем не менее, принимаемые аудиторией. Здесь наиболее часто используются *аргументы от последствий*, *от опасности* и *аргумент ad hominem*. Так, в речи по делу Станислава и Эмиля Янсена, обвиняемых в изготовлении фальшивых купюр, Кони показывает весь спектр негативных последствий данного преступления. «Фальшивые ассигнации похожи на сказочный клубок змей. Бросил его кто-либо в одном месте, а поползли змейки повсюду. Одна заползёт в карман вернувшегося с базара крестьянина и вытащит оттуда последние трудовые копейки, другая отнимет 50 рублей из суммы, назначенной на покупку рекрутской квитанции, и заставит пойти обиженного неизвестною рукою парня в солдаты, третья вырвет 10 рублей из последних 13 рублей, полученных молодою и красивою швеёю-иностранкой, выгнанною на улицы чуждого и полного соблазна города» [Там же, с. 112].

В деле о лжесвидетельстве по поводу бракоразводного процесса З-на используется *аргумент от опасности*. «Подобные действия (лжесвидетельство. – Ю. Ш., И. С.) опасны в обществе, и чем их больше, тем они становятся опаснее, потому что составляют компании и товарищества взаимного вспомоществования» [Там же, с. 81].

Третья группа, представляющая ссылку на субъект точки зрения, также оказывается важной в рамках судебного дискурса А. Ф. Кони. Здесь особое место занимают *аргументы от эксперта* и *от свидетеля* и сравнительно меньшую *аргумента к публике (ad populum)*. Аргументы от эксперта становятся наиболее весомыми в тех случаях, где связь между причиной и следствием носит не абсолютный, но вероятностный характер. Установление степени такой вероятности оказывается невозможным без мнения экспертов. При этом ситуация осложняется в тех случаях, когда оценки экспертов расходятся в деталях, как это имело место в уже упоминавшемся деле об избииении Северина. «Обращаясь к рассмотрению мнений экспертов, я нахожу, что все три мнения при своей строгой научности и одинаковых фактах, подлежащих разбору экспертов, одинаково служат для поддержания обвинения и подкрепления мысли о причинной связи между побоями и смертью Северина, причём одним из наиболее соответствующих обвинению является мнение профессора Питры. <...> Являясь судебным врачом в строгом смысле слова, профессор Питра ставит самые резко очерченные границы для своей экспертизы. Факты и аналитические данные – вот его материал, всё остальное предположения, и судебный врач должен их избегать» [Там же, с. 411–412].

Аргументы *от свидетеля* встречаются практически в каждой из 17 обвинительных речей. Так, в деле по поводу развода З-на Кони утверждает: «Вы слышали некоторые свидетельские показания и письма, из них можно вывести заключение, что г. З-н давно разлюбил жену и, давно бросив её почти на произвол судьбы и полюбив, по-видимому, другую, искал развода» [Кони, 1888, с. 72].

Вместе с тем Кони сохранял известный скептицизм по отношению к аргументу *ad populum*. Признавая его общественную важность и ценность, известный правовед полагал, что «суду не следует служить органом общественного мнения, которое бывает изменчиво и слагается случайно под слишком разнородными и неуловимыми влияниями» [Там же, с. 99].

Не менее разноцветной палитрой аргументации отличались защитительные речи. И здесь наиболее ярким примером, по общему мнению, являлся судебный дискурс Ф. Н. Плевако. Как известно, современников больше всего восхищало риторическое мастерство Плевако, его искусство суггестии и та харизма, которая почти безотказно действовала на присяжных. Однако при этом аргументация, подчас скрытая под покровами классической элокуции, играла заметную роль в судебном дискурсе адвоката. В сравнении с обвинительными речами А. Ф. Кони Ф. Н. Плевако редко использовал второй тип аргументов, по классификации Д. Уолтона. Будучи прокурором, Кони, по шутливому замечанию Спасовича, любил демонстрировать перед присяжными целые романы относительно того, что могло бы быть или какие опасные последствия могло бы иметь то или иное исходное событие. В речах Плевако мы практически не обнаруживаем аргументов от последствий или от опасности и очень редко *аргументы от потерь*, как это имело место в процессе о беспорядках на одной из мануфактур. «Хотите сделать из народа зверей – не напоминайте ему про Божью правду; хотите видеть в работнике человека – не разлучайте его с великой истиной Христа» [Плевако, 1993, с. 531]. Зато в его речах широкое поле отводится аргументам первой и третьей групп.

Из аргументов первой группы, представляющих собой квазилогическое обоснование исходного тезиса, наиболее частыми оказываются аргументы *от причины к следствию* и *от следствия к причине*. Так, выступая защитником по делу супругов Замятиных, обвиняемых в вымогательстве векселей, Плевако обратился к присяжным: «Если нет свидетелей преступления и если, по вашему нравственному убеждению, обвинять человека в подлоге документов нельзя, то никто не может лишить вас надлежащего вам права помиловать его» [Там же, с. 160]. Обратным аргументом – от следствия к причине – Плевако пользуется, например, при защите Дмитриевой, обвиненной в покушении на отравление мужа. «Если муж так твёрдо отстаивает невинность жены в преступлении, направленном против него, то, вероятно, этого преступления с её стороны не было» [Там же, с. 446].

Нередко в своих суждениях известный юрист использовал *аргумент от целого к части*, дробя таким образом цельную картину на ряд дискретных эпизодов, связанных с разными участниками дела. В случае с Максименко, подозреваемой в отравлении мужа, Плевако обращается к суду: «Я советую вам разделить ваше внимание поровну между всеми подсудимыми. Обдумывая доказательства виновности отдельно для каждого подсудимого так, как будто судьба другого не предстоит вашему вниманию» [Плевако, 1993, с. 455].

Из аргументов первого типа здесь важно отметить *аргумент от установленного правила*. При всем том, что он встречается в речах Плевако не столь часто, как аргументы, рассмотренные выше, его роль в конкретном контексте оказывается весьма важной. При защите обвиняемых в злоупотреблениях в Саратовско-Симбирском банке имело место следующее квазилогическое суждение: «Всё, что совершается перед глазами разумного человека, должно сделаться достоянием его мысли и принять форму грамматического предложения, в котором части, явления и дела распадаются на те же элементы, на какие распадаются и предложения: на сказуемое, подлежащее и на случайные части целого суждения» [Там же, с. 327–328]. Создав подобную схему, Плевако подводит под нее анализ конкретной фабулы дела.

Кроме аргументов первого типа, в судебных речах адвоката часто используется принцип, представляющий ссылку на субъект точки зрения (третий тип). Как и у большинства защитников, здесь преобладающим является *аргумент ad hominem*, и это далеко не случайно, поскольку апелляция к личности подсудимого имеет целью приуменьшить масштаб вменяемых обвинений. Таков типичный ход любого адвоката. Независимо от места и времени процесса, такой аргумент оказывается наиболее весомым, когда речь идет о знаковой фигуре, как это было в громком процессе над Саввой Мамонтовым, обвиняемым в банкротстве компании при строительстве железной дороги. «В книге, в святость которой мы верим, – в Новом Завете, сказано, что придёт некогда суд общий, на котором Судия будет судить, “зане Он – Сын человеческий”, и Вы рассудите по-человечески» [Там же, с. 279–280]. Этот же аргумент сработал и в более простом случае при обвинении Шидловской в двоемужестве: «Судьи, люди живые, не могли бы не отнестись к ней со всевозможным состраданием и снисхождением» [Там же, с. 501].

Еще одним из часто используемых аргументов, относимых кембриджской школой к третьему типу, является *аргумент по аналогии*. Так, в получившем общественный резонанс деле Чернобаева о покушении на убийство любовника жены, приводится следующая аналогия: «Когда разбойник или тать идёт к чужому хранилищу, он рискует, он подвергается опасности, и в этом его оправдание. Когда вторгается человек в чужую спальню, он должен знать, что может быть убит» [Там же, с. 431].

В рамках судебного дискурса значимым для Плевако становится аргумент, адресованный общественному мнению, – *ad populum*. В этом контексте общественность понимается адвокатом как некое надсловное образование, включающее людей разного достатка и социального положения. Обращаясь к присяжным по делу князя Грузинского, он специально подчеркивает этот тезис: «Я очень рад, что судьбу князя решаете Вы, по виду вашему – пахари и промышленники, что судьбу из важного рода отдали в ваши руки» [Плевако, 1993, с. 403].

В ряде случаев, когда этого требует ситуация, адвокат апеллирует к авторитету, пользуясь *аргументом от знающего*. Защищая рабочих, участвовавших в стачке на мануфактурном производстве, он ссылается на комментарии Уложения, где «приведено мнение светила французской юриспруденции Нелі о границах общепасного и просто буйного массового беспорядка» [Там же, с. 532]. Понимая значимость *аргумента от свидетеля*, Плевако все же настаивает на коррекции его в процессе судопроизводства: «При оценке свидетельских показаний надобно различать свидетеля – потерпевшего от преступления, от свидетеля – постороннего делу. Тогда как первый склонен пристрастно отнестись к своему врагу, последний не имеет повода преувеличивать событие или факт, о котором он свидетельствует» [Там же, с. 448–449].

Наконец, очень важным в практике защитительной речи оказывается *аргумент от предвзятости*. Таким приемом Плевако пользуется, например, в деле Новохацких, обвиняемых в вымогательстве и подлоге: «Односторонна и ложна привычка всякий приписываемый подсудимому факт истолковывать самыми худшими для него предположениями. Драка возводится в насилие. Клочок бумаги – в невыгодный контракт, ссора – в принуждение к выдаче обязательства. С такой логикой всякого покупателя нож надо считать за приготавливающегося к убийству, всякого гуляющего ночью с фонарём – за поджигателя» [Там же, с. 110].

Таким образом, в судебном дискурсе, представленном двумя крупнейшими юристами второй половины XIX в., мы можем обнаружить общий для любой аргументации принцип стратегического маневрирования, который предполагает «выбор того или иного дискуссионного воздействия из ряда возможных (что составляет “топический потенциал говорящего”), учет желаний аудитории и использование в дискурсе наиболее эффективных средств аргументации» [Еемерен, 2006, с. 22].

Заключение

Анализ практики судебных речей, хронологически предшествующих созданию неориторической теории, позволяет сделать несколько выводов.

Одним из существенных парадоксов второй половины XIX в. в России стал резкий разрыв между переживающей кризис риторической теорией

и блестящей практикой ораторского искусства, воплотившейся в судебном красноречии. Как отметил В. Н. Топоров, уже «в эпоху романтизма риторика с её нормативно-дидактическими тенденциями начинает восприниматься как изживший себя канон, препятствующий свободному творчеству, как дисциплина схоластически-каталогизаторского типа... Риторика как наука приходит к началу XIX в. в состояние упадка» [1990, с. 417].

Бесспорно, изжившая себя риторическая теория не могла стать опорой набирающему силу судебному красноречию, а другой теории попросту не существовало. В такой ситуации практика, помимо реального эффекта, достигаемого в зале суда, объективно должна была взять на себя работу по обнаружению и очерчиванию контуров новой теории. Разумеется, ни Кони, ни Плевако, ни другие столпы судебного красноречия не осознавали себя теоретиками. Тем не менее, как мы пытались показать в статье, их открытия и находки во многом совпали с неориторической теорией и ее важнейшей частью – аргументацией, в том виде, какой она приобрела столет спустя в трудах Перельмана, Еемерена и Уолтона.

Список литературы

- Аристотель*. Риторика // Античные риторика. М., 1978.
- Еемерен Ф.* Современное состояние теории аргументации // Важнейшие концепции теории аргументации. СПб., 2006. С. 14–33.
- Кони А. Ф.* Собр. соч.: В 8 т. СПб., 1888. Т. 3: Судебные речи.
- Косарев А. В.* О риторической теории аргументации Х. Перельмана // Сибирский философский журнал. 2019. № 2. С. 174–188.
- Плевако Ф. Н.* Избранные речи. М., 1993.
- Топоров В. Н.* Риторика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 416–417.
- Фетерис Э.* Аргументация в области права // Важнейшие концепции теории аргументации. СПб., 2006. С. 239–261.
- Perelman Ch., Olbrechts-Tyteka L.* The New Rhetoric. Treatise on Argumentation. London, 1971.
- Walton D., Reed C., Macgano F.* Argumentation Schemes. Cambridge, 2008.

Article metadata

Title: Russian Judicial Discourse in the Light of the Modern Theory of Argumentation *

---

* The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project No. 18-00-01376 (18-00-00760).

Authors: Yu. V. Shatin ^{1,2}, I. V. Silantev ¹

Authors' e-mail: shatin08@rambler.ru, silantev@philology.nsc.ru

Authors' affiliation: ¹ Institute of Philology SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation); ² Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

Abstract. The article discusses the main methods of argumentation in the judicial discourse of two large Russian lawyers of the second half of the 19th century – A. F. Koni and F. N. Plevako for compliance with the argumentative scheme developed by the Cambridge School (D. Walton and others). The authors believe that, without any reliable theoretical support in connection with the decline of traditional rhetoric, the best jurists intuitively discovered the outlines that later laid the foundation for Ch. Perelman's rhetoric. First of all, it was a question of quasi-logical arguments and arguments with which either reality is constructed or the subjective position of the person involved in the rhetorical process is affirmed.

Key terms: judicial discourse, rhetoric, quasi-logical arguments, argumentative schemes.

DOI 10.25205/2307-1737-2020-2-401-412

Reference literature (in transliteration):

Aristotle. Ritorika. In: Antichnye ritoriki. Moscow, 1978. (in Russ.)

Eemeren F. Sovremennoye sostoyaniye teorii argumentatsii. In: Vazhneyshiy kontseptsii teorii argumentatsii. St. Petersburg, 2006, p. 14–33. (in Russ.)

Feteris E. Argumentatsiya v oblasti prava. In: Vazhneyshiy kontseptsii teorii argumentatsii. St. Petersburg, 2006, p. 239–261. (in Russ.)

Koni A. F. Collect of Works. In 8 vols. St. Petersburg, 1888, vol. 3, p. 14–33. (in Russ.)

Kosarev A. V. O ritoricheskoy teorii argumentatsii Kh. Perelmana. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, no. 2, p. 174–188. (in Russ.)

Perelman Ch., Olbrechts-Tyteka L. The New Rhetoric. Treatise on Argumentation. London, 1971.

Plevako F. N. Izbrannyye rechi. Moscow, 1993. (in Russ.)

Toporov V. N. Ritorika. In: Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. Moscow, 1990, p. 416–417. (in Russ.)

Walton D., Reed C., Macgano F. Argumentation Schemes. Cambridge, 2008.